

DOI 10.23683/2415-8852-2018-2-19-30

УДК 82-3

ПАПАДЬЯМАНДИС И ТВЕН: ОТ ГЕОКРИТИКИ К НЕПРЯМОМУ ВЛИЯНИЮ

Александр Викторович Марков

доктор филологических наук, профессор факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

e-mail: markovius@gmail.com

Аннотация. Рассказ Александроса Пападьямандиса «Судьба из Америки» (1901) на разных уровнях пародирует, обыгрывает или переосмысляет сюжет рассказа Марка Твена «Банкнота в 1 000 000 фунтов стерлингов» (1893), переведенный Пападьямандисом в год выхода. Тема социального доверия сверхбогатым при этом трансформируется в тему неразрывной связи соперничества за богатство и соперничества за доверие: Пападьямандис заменяет анекдотическую основу рассказа на романную полифонию. При этом в рассказе Пападьямандиса появляется ряд странных мотивов, таких как невозможность дать деньги в рост, сравнение предпринимательского труда с сельскохозяйственным и другие, а также мотивированная Ветхим Заветом контаминация приданого и выкупа, тема ритуального жертвоприношения детей и карнавальная тяжба со смертью. В статье доказывается, что все эти мотивы, хотя по-разному унаследованы из фольклорной или литературной традиции, получили такую организацию в повествовании благодаря рассказу Марка Твена, но не его сюжету, а нескольким трудностям, возникшим при его переводе. Паллиативные решения при переводе были спроецированы в сюжет как его коллизии. Рассказ «Судьба из Америки» тогда может рассматриваться как развернутый схолий, замечания на полях при переводе Марка Твена, принявшие форму карнавальной фантазии. Рассказ может рассматриваться как первый геокритический эксперимент в греческой литературе, изображающий невозможность спонтанной модернизации островной жизни из-за постоянного конфликта «сухопутной» и «морской» топики. Изучение такого непрямого влияния поможет проинтерпретировать и более сложные случаи подобного влияния у Пападьямандиса и других греческих авторов, основанные уже на влиянии темных метафор византийской богослужебной поэзии на сюжетосложение.

Ключевые слова: не прямое литературное влияние, сюжет, трудности перевода, карнавализация, Марк Твен, Пападьямандис.

Всем памятный рассказ Марка Твена «Банкнота в 1 000 000 фунтов стерлингов» прогремел сразу после публикации в 1893 г. и был переведен на множество языков, в том числе – на современный греческий. Перевод А. Пападьямандиса вышел в созданном в этом же году журнале «Новый дух», поощрявшем знакомство греческих читателей с новейшей западной литературой и философией. Спустя восемь лет Пападьямандис создает один из самых известных своих рассказов «Судьба из Америки» (“Н τύχη ἀπ’ τὴν Ἀμερική” – вопреки правилам греческого языка, Пападьямандис сохраняет alpha purum после согласного, противопоставляя тем самым Ἀμερική как название континента и Ἀμερική как фантомный образ цивилизации; в русском переводе, вероятно, уместна была бы латиница в названии), в котором фабула Твена преломляется своеобразно: речь идет о большой греческой семье, в которой один из братьев долго работал в Америке, подорвав здоровье, и вернулся на родину с деньгами. Но эти деньги нужны были как приданое дочерям, при этом женихи стремятся завладеть гораздо большим приданым, чем им полагается, чтобы начать свой бизнес, и только другой брат сохраняет семейный бюджет. Таким образом, вместо обладателя счастливого банковского билета, репутация которого как миллионера позволяет ему воспользоваться избыточными благами, здесь – женихи, пытающиеся создать

себе харизматическую репутацию и тем самым добиться, по сути, монополии на ресурсы, заработанные тяжким трудом. Ситуация не менее комичная, но в ее центре не неведение героя о своем счастье, а жертвоприношение, которое совершается, чтобы большая семья могла войти в современность (модерность).

Эта тема современности разворачивается как раз как тема денег, замены реальных денег на бумажные. Отец героя-жертвы на вопрос, когда же сын привезет из Америки фунты, замечает, что они не созрели, и автор поясняет в скобках, что здесь омофония: *λίρα* – «фунт» и *λύρα* – музыкальный инструмент, а также диалектное название одного из сортов тыкв. Далее, обналичивание чеков, привезенных из Америки за добычу на рудниках серебра (*ἀσήμι*), названо глаголом *ἐξηρῦρωσε* – буквально, «осеребрил» (тем же словом Пападьямандис перевел глагол *cash* из последнего абзаца рассказа Твена об обмене миллионной банкноты на разменные деньги), архаичное название для серебра как корень, но при этом в современном коммерческом жаргоне это означало получение банкнот. Наконец, мать семейства, которую зовут *Ἀσημίνα*, не может надеть на дочь на свадьбе самое лучшее украшение, «монисто с фунтами» (“τὴν κολλαῖνα μὲ τίς λίρες”) (имеются в виду любые золотые монеты), потому что невеста выходит в европейском платье, в котором девушки «не имеют нужды

только молчать и млетъ» (“δὲν εἶναι ἀνάγκη
ἢ σιωποῦν οὔτε ἢ κατὰρῶνουν”) «подобно
черепашкам», – внешнее подобие монет пан-
цирю черепахи оказывается универсальным
символом домодерного существования.

Изобилуя житейскими анекдотическими
подробностями, равно как и этнографиче-
ски интересными ссылками на народные
поверья, рассказ представляет собой, веро-
ятно, первый в греческой литературе опыт
геокритики, осмысления островной жизни,
без которого рассказ воспринимался бы как
не более чем семейная мелодрама. Рассказ
доказывает невозможность бесконфликт-
ной модернизации в островном мире, в ко-
тором невозможна автономная торговля:
коммерческие амбиции требуют освоения
мореходного искусства, тогда как отказ от
мореходства означает не просто отказ от
коммерческих амбиций в пользу традицион-
ного производства, но и препятствие чужим
амбициям. Причем Пападьямандис решает
вопрос не психологически, как мы привык-
ли, а исключительно геокритически: не об-
рушиваясь на завистливость крестьян, но
показывая, что сама жизнь острова устро-
ена так, что коммерция на нем приведет не
просто к ряду подлогов, созданию превра-
щенных форм денег и товаров, но к постоян-
ному столкновению жизни с собствен-
ным краем, с собственной архаикой, тогда
как фантом Америки определяет не поведе-
ние героев, но исключительно возможность

развязки. Остров оказывается не столько
частью системы Греции, сколько целью су-
ществования греческого духа [Peskham: 99].
Хотя обычно это столкновение выводят из
воспроизведения у Пападьямандиса фабулы
«Одиссеи» [Constantinides: 341], такое объ-
яснение явно недостаточно для интерпрета-
ции подробностей.

Прямое влияние рассказа Марка Твена на
Пападьямандиса, помимо сюжетных траве-
стий (хотя бы тот факт, что начало любов-
ной истории у Твена – как раз спекуляция
рудником, тогда как главный герой Папа-
дьямандиса зарабатывает капитал на руд-
никах), очевидно в первом диалоге, где отец
всего семейства, бочар, имеет лишь сезон-
ный заработок, но именно тогда он не успе-
вает изготовить или починить бочки всем.

«Каждый сетовал по-своему. Вдовы старицы
говорили:

– Горе нам! Оставлены мы в запустеньи, никто
не поможет нам, но разве помашет. А мы ведь тоже
люди с душой.

И мужчины:

– Горе нам! Он и делает только, что гладко их на-
тирает, чтобы погладить. Так и я могу.

И ближние:

– Мы тут только тремся-толпимся, а ты до на-
ших бочек дойти не доходишь. О, какова наша
участь под солнцем... Тебе лишь бы другим уго-
дить.

И дальние:

– Мы с другого конца бочки катим и тащим в один конец, а потом стоим на холоде. Мы с нашей мелочью для тебя слишком мелкие¹»² [Παλαδίασαντησ].

Вся эта сцена явно выросла из разговора героя Твена с портным, где как раз он, с одной стороны, готов от миллионера ждать оплаты сколько угодно долго, а с другой – открыто пренебрегает мелкими клиентами:

“Indefinitely! It’s a weak word, sir, a weak word. Eternally – that’s the word, sir. Tod, rush these things through, and send them to the gentleman’s address without any waste of time. Let the minor customers wait” [Twain].

Противопоставление «слабого слова» обещаний, на которых и строятся обычные отношения с клиентами, и «вечной» харизмы миллионера оказывается перевернутым: клиенты бочара требуют, чтобы с ними обходились как с людьми харизмы, не ограничиваясь только обещаниями – любые обещания, включая даже качественную работу как образцовое обещание, оказываются дискредитированы системой риторически ярких харизматических высказываний. Таким образом, сразу же в рассказе Пападьямандиса создается диспозиция, в которой ангажированность современностью отсутствует перед позициями героев, риторически

выразительными и доходящими до травестии, когда герои стремятся отстоять свою позицию, а не только ее представлять. При переводе Твена Пападьямандис столкнулся с некоторыми трудностями, и, по нашим выводам, именно такие трудности в очень точном и блистательном переводе говорят о том, как Пападьямандис понимал ограничения речевых стратегий, определивших сюжетосложение его рассказа.

Одна из ключевых фраз Твена в развитии действия – объяснение героем своей реакции на ту ситуацию, в которую он попал, когда заключившие пари передали ему запечатанный конверт: “not being in circumstances to resent affronts from rich and strong folk” [Twain] – «Я был не в тех обстоятельствах, чтобы возмущаться тем, как ведут себя богатые и влиятельные люди». Пападьямандис переводит это рассуждение как «не на том месте я был, чтобы спорить с богатыми и влиятельными людьми» [Τουαίiv]. Словом «спорить» мы здесь переводим греческий оборот βάζω με – буквально «полагать с кем-то», т. е. «нападать». Сразу же меняется мотивация героя: в оригинале речь идет о том, что герой чувствует себя в крайне неестественной ситуации и не может поэтому вступить за свою честь, не находит для этого средств, тогда как в переводе герой, наоборот, принимает все как должное и выступает как рациональный субъект.

¹ δεκάρες μας δὲν ἔχουν νοῦμερο – слово «номер» в разговорной речи стало означать «важность».

² Здесь и далее, кроме отдельно оговоренных случаев, перевод везде наш. – А. М.

С чем связано такое смещение? Если в рассказе Твена различаются *circumstances* – обстоятельства и *situation* – должность, обещанная герою в письме (с которым мы ознакомимся парой страниц спустя), то Пападьямандис переводит оба слова как *θέση* ('тезис', 'позиция'). Это же слово, в древнегреческой форме *θέσις*, встречается и в рассказе «Судьба из Америки» в самый драматический момент: брат главного героя прячет его бумажник, чтобы сестра под уговорами жениха не присвоила из него лишнюю часть приданого, бумажника «нет на месте». Такое выражение, даже если бы оно не было в архаической форме, неестественно в греческом языке, где в таких случаях нормативно слово *τόπος*. Тем самым подчеркивается геокритический смысл происходящего, что в архаической ситуации деньги работают именно тогда, когда они «на месте», а не когда они стали оборотным капиталом. И тем самым если герой Твена оскорбляется, так как не понимает, почему его без его ведома пустили в оборот, то в мире Пападьямандиса герой знает, что он на своем месте, и его недоумение только в том, насколько это место счастливо или несчастно. Именно так себя будет вести и протагонист рассказа «Судьба из Америки».

Кроме того, глагол *βάζω* ('вносить', 'вкладывать', 'класть', от классического греческого *βάλλω*) имеет антоним *βυάζω* ('вынимать'), который в просторечии означает

'зарабатывать деньги' и в рассказе Пападьямандиса употреблен дважды. Первый раз – в словосочетании «отпустить усы», именно это думают о герое соотечественники, вероятно, полагая, что он устроился капитаном (в головах у них еще прочно сидит старый образ корсара), на что отец горестно замечает в рифму, что не «каплю росы» же. Второй раз – в значении 'добывать серебро' на рудниках. Таким образом, заработок денег связывается не с вкладом, а, напротив, с изъятием денег, с извлечением из геопозиции острова всего возможного, и поэтому герои Пападьямандиса вовсе не думают вкладываться, в том числе эмоционально – в ситуацию.

Наконец, важно оговорить употребление союза «и» (*καί*), которое оказывается различным по степени архаичности в переводе и оригинальном рассказе. В рассказе этот союз, встречающийся 240 раз, служит исключительно для связи однородных членов или изложения событий, как принято в современных языках, тогда как в переводе он часто употребляется как способ уточнения первого слова вторым, что соответствует древнегреческой семантике (фигура *гендиадис*, «один через два», ср.: *Timeo Danaos et dona ferentes* – боюсь данайцев, даже дары приносящих, т. е. именно когда они приносят дары). Например, “deep, dark puzzle” переведено “σκοτεινὸν καὶ ἄλυτον αἴνιγμα”, что нужно понимать не как «темная и неразре-

шимая загадка», но как «темная настолько, что не имеет решения», что больше соответствует семантике оригинала. Тем самым в повествование перевода невольно привносится архаизирующее видение отношений между событиями и извлечения из них выводов, что в рассказе, написанном уже без этой архаизации, развернется на уровне сюжетосложения. Этому способствовало и особое понимание Пападьямандисом эрудиции не как средства познания, а как ближайшей цели развития духа [Καλοσπύρος: 127], которая, раз ближайшая, видится сюжетно.

Следующая особенность перевода появляется при разговоре героя с читателем после цитирования полного текста письма. “Well, here was a coil to be in! You are posted on what had preceded all this, but I was not” [Twain] – это переведено буквально как «Вот и новый узел на веревке. Вы, читатели, с самого начала вошли в смысл происходящего, а я был еще далеко от него» [Τουαίβ]. Речь в рассказе Пападьямандиса, в котором действие происходит в среде прирожденных моряков, разумеется, не об узелках на память, а о морском узле. Этот морской узел требует пояснения – речь идет в новогреческом употреблении о специальных узлах, закреплявших парус при сильном ветре и позволявших не отклоняться от курса, иначе говоря, что-то вроде «началось дальней плавание», а не «в какую запутанную историю я попал». Тем самым устанавливаются те

геокритические отношения между островом как традиционной экономикой, в которой все понимают намерения друг друга, и новой экономикой инвестиций, морской экономикой, где недопонимание и приводит к катастрофическому развитию сюжета, что мы потом увидим в рассказе «Судьба из Америки».

Наконец, дальше всего от оригинала в добросовестном и блистательном переводе передан перелом к лучшему, комический *анагнорисис* героя, который понимает наконец, что может беспрепятственно пользоваться харизмой миллионера для получения любых благ.

“Well, don’t you see what was bound to happen? I drifted naturally into buying whatever I wanted, and asking for change. Within a week I was sumptuously equipped with all needful comforts and luxuries, and was housed in an expensive private hotel in Hanover Square” [Twain].

Буквальный греческий перевод Пападьямандиса:

«Одним словом, вы еще не догадались, чему надлежало произойти. Я ходил, естественным образом, покупать все, что нужно, и требовал сдачи. Через неделю я был напитан и снабжен богато всеми необходимыми отдохновениями и удобствами и жил в богатейшей гостинице на Ганноверской площади» [Τουαίβ],

Мы видим, что здесь Пападьямандис, помимо ряда неудач, вроде напыщенного «естественным образом», вместо подходящего по смыслу «разумеется», вводит массу других архаизмов, тот самый греческий гендиадис, использование союза «и» для уточнения одного понятия другим, «напитан и снабжен»; но этим архаизация не ограничивается. Само это неестественное «напитан и снабжен» (*ἐτράφην καὶ ἐφωδιάσθην*) – нормативная в древнегреческом, но неестественная в повседневной речи форма страдательного аориста, которая не смотрелась бы даже у автора, полностью приверженного «кафаревусе» (искусственной очищенной норме официального языка того времени, ориентированной только на классический греческий), а «богато» (*πολυτελῶς*) – откровеннейший архаизм, этимологически означающий «из многого извлекающий капитал». Собственно, в рассказе брат главного героя обвиняет жениха, что он хочет взять лишнего и открыть магазин, как раз извлекая капитал из всего. Геокритический смысл явен: архаическое сознание только и может понимать коммерческие намерения по извлечению дохода, изнутри современного сознания не всегда предсказуемые из-за рыночных рисков (которые в геокритическом образном плане передаются как морские риски, выход в открытое море).

Ключевая пара понятий получает объяснение дальше в переводе Твена: герой, пред-

ставляя свою невесту, называет ее “she is my future stay and helpmate”, что Пападьямандис переводит как *σύντροφος καὶ βόηθος* – не «прибежище и помощница», а «питательница (или: товарищ) и помощь». Оба понятия оказываются архаизированы, и тем самым сохраняется представление об архаическом извлечении капитала, а не о современном вложении.

Глагол *ἐφοδιάζω* этимологически означает 'снаряжать, снабжать в дорогу', что уже нас обращает к сюжету рассказа самого Пападьямандиса. В рассказе «Судьба из Америки» для возвращения из Америки употребляется слово того же корня *ἐπάνοδος* – означающее в классическом греческом языке 'возвращение к деятельности' (примерно то же, что современное английское *comeback*). Такое употребление мотивировано сюжетом: за сестрой героя должно числиться хорошее приданое, чтобы развеять слух о ее безумии, связанном с одним из событий ее детства: чудаковатая модная дама приготовила себе могилу и предложила девочке в шутку полежать в ней. Сама дама рассматривала могилу при жизни как раз как способ поспорить с Хароном, продлить себе жизнь, тогда как для девочки это был испуг, и слух о ее помешательстве держался многие годы. Таким образом, брат невесты должен не вкладывать свой капитал, но показывать, что он весь его «вернул» как он есть. Здесь воспроизведена, по сути, сцена смущения

героя Твена перед своим унижением, как ее понял Пападьямандис: невозможность оспорить богатых и сильных следует не из реалистического понимания ситуации как недолжной, как в оригинале, а из испуга перед тем, как все происходит как будто естественным путем. Поэтому и герой Пападьямандиса боится любого вложения капитала, даже при предприимчивости обоих свояков. Примечательно, что рассказ о психических страданиях девочки как раз построен на совершенно книжном страдательном аористе, а не имперфекте или перфекте, где архаика оказывается как бы вечным произведением, не подвластным более современной организации нарративов.

Для описания той свадьбы, которая и будет прыжком из архаики в современность, употреблен глагол *συντελέω* того же корня, что уже упомянутое наречие *πολυτέλως*, обозначающий и совершение свадьбы, и переговоры о свадьбе, когда договариваются о том, какое приданое будет. Герой еще до прибытия на остров обнаруживает у себя туберкулез («пожелтел» он, а не «лиры», тыквы или золотые монеты) и задерживается в Афинах, о чем пишет в письмах (хотя прямо про письма не сказано, но догадаться легко, что он находится в постоянной переписке). Все на острове знали, что он возвращается богачом, и потому юноши сватались к его сестрам, а еще больше девушек – к нему самому. Так как было извест-

но (откуда?), что он не прежде женится, чем устроит жизнь своих сестер, то было решено торопить всех. Но когда стало понятно, что ему долго не жить, то можно стало не торопить – судьба каждой сестры оказалась в руках жениха, а не общины. Так современный индивидуализм оказывается эффектом не личной авантюры, но личного самопожертвования, которое и позволяет сохранить капитал единым – все будут распоряжаться им по завещанию, а не по собственному усмотрению.

Но важнее всего в сложном (мело)драматичном рассказе Пападьямандиса, что это завещание еще прежде умирания протагониста появляется как сам способ правильно устроить все свадьбы, когда дух авантюризма уже проник на остров. Ключевая фраза с позиции отца семейства – “*συντελοῦντες εἰς τὴν ἀλοκατάστασιν τῆς κόρης τὸ ταχύτερον*” – «содействуя назначению невесты как можно скорее». Кроме тяжбы со смертью была и другая тяжба: одну из сестер не удавалось выдать замуж, потому что успешный жених предпочел младшую, «Рахиль, а не Лию», которую полюбил с первого взгляда, как вошел в дом (его характеристику *προκομμιένος* можно перевести как «преуспевающий» и «прогрессивный», хотя прогрессивным оказался дом, в котором девушки перестали носить платки). Вроде бы эта ситуация возможна в мире Книги Бытия, где деньги уплачиваются в другую сторону: не прида-

ное, а выкуп невесты, но не в традиционном христианском мире с его приданым. Но жених очень просто добился своего: он пригрозил разрывом со всей семьей, иначе говоря – разрушением доверия к обручению, к письменным обязательствам. И это пародия, конечно, на то, что «назначением» на должность в рассказе Твена оказывается свадьба, в частности, в ответ на предложение испытывать на этой должности тридцать или сорок лет. Там, где у Твена каламбуры, легитимирующие предпринимательский авантюризм, там у Пападьямандиса *квинпрокво*, проистекающее из искусственного создания катастрофы. Вне этого контекста понимание коллизии оказывается затруднено [Φαρίνου-Μαλαματάρη: 140–141].

Когда в рассказе Твена оказывается, что невеста – ближайшая родственница спорщиков, она извиняется, что спор наделал жениху “trouble and worry” и что тогда в прошлом невольно смеялась, зная этот план. Пападьямандис переводит это выражение как *ἐνόχλησιν καὶ ταραχήν*, буквально ‘помеху и дрожь’. Но именно катастрофа, сопровождаемая «помехами» и «дрожью», вместо каламбура и происходит в рассказе Пападьямандиса уже в историях отдельных сестер. Одна из сестер еще подростком утонула в колодце, и рассказ о ее гибели предшествует рассказу о «Рахили». Она тоже невольно попыталась бросить вызов

Харону, случайно провалилась в колодец, ставший ей настоящей могилой, края колодца ей «мешали» выбраться, и она там «трепетала», как рыба, пока не утонула. *Ἐτάραξεν, ἔπλευσεν, ἐσπαρτάρησε* ('дрожала', 'плыла', 'трепетала'). А решение выдать младшую дочь вперед старшей (умершей вскоре от чахотки) сопровождалось *δισταγμοὺς καὶ διαβούλια* – буквально «раздорами и обвинениями», в чем можно увидеть превращение этой «помехи и дрожи» из обстоятельства действия в обстоятельство внутренней жизни и первый шаг от геокритики к пониманию действительных причин всемирной модернизации.

Исследования такого рода помогут понять и более сильное не прямое влияние в прозе Пападьямандиса – влияние византийской литургической поэзии, темные и сложные метафоры которой развернулись в систему сюжетных приоритетов, чему мы собираемся посвятить дальнейшие исследования.

References

- Constantinides, E. (1988). The Ancient made modern: Greek myth and Papadiamantis. *Classical and Modern Literature* (Vol. 9), 339–350.
- Peckham, R.S. (1995). Memory and homelands: Papadiamantis and geographical imagination. *Κάμπος (Cambridge Papers in Modern Greek)*, (Vol. 3), 95–123.

Καλοσπύρος, Ν.Α.Ε. (2002). *Η αρχαιογνωσία του Αλέξανδρου Παπαδιαμάντη*. Αθήνα: Εταιρεία Παπαδιαμαντικών Σπουδών, Δόμος.

Φαρίνου-Μαλαματάρη, Γ. (1987). *Αφηγηματικές τεχνικές στον Παπαδιαμάντη, 1887-1910*. Αθήνα: Κέδρος.

Electronic resources

Twain, M. *The million pound bank note*. Retrieved from: https://en.wikisource.org/wiki/The_Million_Pound_Bank_Note (date of access: 20.02.2017).

Τουαίν, Μ. Ένός εκατομμυρίου λιρών χαρτονόμισμα (Trans. by Papadiamantis). Retrieved from: papadiamantis.net/pdf/ΜΕΤΑΦΡΑΣΤΙΚΟ_ΕΡΓΟ/Τουαίν_Μάρκος_Ένός_εκατομμυρίου_λιρών_χαρτονόμισμα.pdf (date of access: 20.02.2017).

Παπαδιαμαντησ, Α. Η Τύχη απ' την Αμερική. [The destiny from America]. Retrieved from: papadiamantis.net/Διηγήματα/Η-Τύχη-άπ'-τὴν-Ἀμέρική-1901 (date of access: 20.02.2017).

PAPADJAMANDIS AND TWAIN: FROM GEO-CRITICISM TO INDIRECT INFLUENCE

Alexander V. Markov, Dr. Habil., Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; e-mail: markovius@gmail.com.

Abstract. The story by Alexandros Papadiamandis “The Destiny from America” (1901) parodies, replays or reinterprets the famous “The Million Pound Bank-note” (1893) by Mark Twain, translated by Papadjamandis in the year of publication. But the topic of social trust for the super-rich was transformed in the story into a topic of indissoluble communication rivalry for wealth and rivalry for trust: Papadiamandis replaces the anecdotal basis of the story with novel polyphony. At the same time, a number of strange motives appear in the story, such as the inability to give money to growth, the comparison of entrepreneurial work with agriculture, as well as the contamination of dowry and ransom motivated by the Old Testament, the ritual sacrifice of children and carnival suits against death. The article argues that all these motives, although differently inherited from folklore or literary tradition, have received such organization in the narrative through reception of the story of Mark Twain, not as plot contamination, but as rethinking of several difficulties that arose in the process of its translation. Palliative decisions in the translation were projected as future plot collisions. The story could be regarded as an unfolded scholia, remarks on the margins of the translation of Mark Twain, which took the form of a carnival fantasy. The story can be considered as the first geocritical experiment in Greek literature, depicting the impossibility of spontaneous modernization of island life, due to the constant conflict of the land and sea topics. The study of such indirect influence will help to interpret even more complex cases of indirect influence in Papadiamandis and other Greek authors, based on the influence of dark metaphors of Byzantine liturgical poetry on plotting.

Key words: indirect literary influence, plot, difficulties of translation, carnivalization, Mark Twain, Papadjamandis.

